

*На правах рукописи*

**НОВОСЁЛОВА Евгения Олеговна**

**ВЛИЯНИЕ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ НА  
ФОРМИРОВАНИЕ ЯПОНСКОЙ БУДДОЛОГИИ В КОНЦЕ XIX -  
НАЧАЛЕ XX ВВ**

**Специальность 5.6.2.  
Всеобщая история**

**АВТОРЕФЕРАТ  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата исторических наук**

**Москва-2025**

Диссертация выполнена в отделе сравнительного культуроведения  
ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук.

**Научный руководитель:** **Лепехова Елена Сергеевна.**  
доктор философских наук

**Официальные оппоненты:** **Мартынов Дмитрий Евгеньевич,**  
доктор исторических наук, доцент,  
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)  
федеральный университет, Институт  
международных отношений, кафедра  
китаеведения и азиатско-тихоокеанских  
исследований, профессор

**Воробьева Ольга Владимировна,**  
кандидат исторических наук, ФГБУН  
«Институт всеобщей истории РАН»,  
Центр сравнительной истории и теории  
цивилизаций, ведущий научный  
сотрудник

**Ведущая организация:** **Федеральное государственное  
бюджетное учреждение науки  
«Институт восточных рукописей РАН»**

Защита состоится «\_\_» \_\_\_\_\_ 2025 г. в 12.00 часов на заседании  
диссертационного совета по историческим наукам 24.1.041.01. на базе  
ФГБУН Институт востоковедения РАН по адресу: 107031, г. Москва, ул.  
Рождественка, д. 12.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБУН  
Институт востоковедения РАН (г. Москва, ул. Рождественка, д. 12) и на  
сайте института: [www.ivran.ru](http://www.ivran.ru).

Автореферат разослан «\_\_» \_\_\_\_\_ 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета  
кандидат исторических наук

А.А. Петрова

## I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность темы исследования.** Диссертационное исследование посвящено анализу академизации буддологической дисциплины в Японии на рубеже XIX-XX веков и роли европейского влияния на этот процесс. В последние годы все большую актуальность приобретает изучение истории развития гуманитарных наук. Из последних отечественных трудов данной тематики можно выделить, например, работу «Российско-немецкие научные коммуникации в зеркале интеллектуальных миграций 1920-1930-х гг.: Опыт гуманитарных наук» М.В. Ковалева (2019 год), или «Реставрация Мэйдзи и историческое образование в Японии» О.В. Воробьевой и И.И. Вуколовой (2021 год). Оба исследования сосредоточены на межкультурном взаимодействии как факторе развития научных дисциплин. Также в японской академической среде в последние годы наблюдается рост интереса к истории заимствования идей. Из буддологических трудов, посвященных данной тематике, можно выделить статью Камэяма Мицухиро *Tracing Karma in Meiji Japan: The Global Entanglement of Religion, Morality and Science* (2022 год), посвященную глобализации понятия карма в XIX веке, или монографию *Buddhist Exchanges Between India and Japan: Japanese Buddhists Encountering India and Modern Buddhist Studies* (2024 год) Ранджаны Мукхопадьяйи и Тогава Масахико. Особое же внимание исследователей привлекает проблема генезиса и эволюции научного знания в неевропейских обществах, в частности, процесс перехода обозначенных обществ от традиционной модели научного знания к классической европейской<sup>1</sup>. Особенности трансформации идей, сопровождающей взаимодействие соприкасающихся культур, формы, степень и характер их взаимопроникновения и адаптации, представляют собой обширное поле для изучения. В том числе потому, что следы таких взаимодействий находят отражение в современной исторической науке. Соответственно возникает проблема характера влияния отдающей культуры на принимающую, и его динамического развития с течением времени, чему и посвящена данная работа.

История буддийских исследований в современной Японии также изучается в данном контексте, однако зачастую она рассматривается как один из аспектов японской религиозной истории, либо в контексте развития сугубо академических исследований. Таким образом, возникает проблема игнорирования взаимоотношений между исследователями и буддийским сообществом за пределами университетов, с одной стороны, и оторванность

---

<sup>1</sup> Schneider A., Tanaka S. *The Transformation of History in China and Japan*. N.Y. : Oxford University Press. 2011. p. 49

процесса становления японской буддологии от буддологии как части глобальной истории дисциплины, с другой.

Кроме того, существенная часть работ, посвященных развитию академических дисциплин в Японии, носит обобщенный характер или написана не японоведами. Например, такие именитые европейские исследователи глобальной истории, как Георг Иггерс, Эдвард Ван и Дэниэл Вульф рассматривают формирование современных гуманитарных дисциплин в Японии как процесс безусловного заимствования западной научной модели, в то время как существование собственной научной традиции либо не учитывается, либо предполагается полный отказ от нее в пользу западной модели. Такой подход не учитывает особенности заимствования и адаптации западной научной мысли в японской академической среде. Например, в труде Дэниэла Вульфа *A Global History of History* 2011 года значительно преувеличена роль немецкого историка Людвиг Рисса (1861-1928) в формировании первой в Японии гуманитарной кафедры – исторической. В частности, им постулируется, что ученые полностью отказались от ранее применявшегося конфуцианского инструментария в пользу методов немецкой исторической школы<sup>2</sup>, что не соответствует действительности. Строгих хронологических рамок академизации японских буддологических исследований на данном этапе также не существует, условное деление развития японской буддологии на этапы было предложено Майклом Пайем в 2003 году<sup>3</sup>, но оно предлагает слишком обобщенную картину процесса. Иными словами, актуальной остается проблема установления периодизации и градации западного влияния на японскую буддологию.

Исследования японистами взаимодействий между западными и японскими учеными, в свою очередь, рассматриваются весьма подробно, но обособленно, без попытки реконструировать процесс формирования буддологической дисциплины в исторической динамике. Сегментарность исследований характерна и для изучения истории заимствования терминов и понятий, используемых в японской буддологии. Следовательно, такой подход не является эффективным способом изучения динамики развития дисциплины. Также на данный момент в японском религиоведении существует запрос на ревизию научной терминологии (в том числе научной концептуализации понятия религии как таковой), и связан он во многом именно со смысловыми различиями в терминологии, используемой западными и японскими учеными для обозначения одних и тех же понятий. Истоки данной проблемы проистекают также из контекста формирования религиоведческого аппарата в XIX-XX веках под западным влиянием. Данная работа стремится восполнить вышеперечисленные лакуны, что обуславливает ее актуальность.

<sup>2</sup> Woolf D. *A global history of history*. Cambridge. Cambridge University Press 2011. P. 429

<sup>3</sup> *Method & Theory in the Study of Religion*. 2003. № 15(1). P. 1-27.

**Степень разработанности проблемы.** Теория культурного трансфера успешно апробирована в работе Мишеля Эспаня и Майкла Вернера «История цивилизаций как культурный трансфер» на взаимодействии как условно схожих (Франко-Германский трансфер), так и неидентичных культур (Франко-Вьетнамский трансфер). А потому как нельзя лучше подходит для изучения рассматриваемых процессов, где происходила передача научных знаний между неблизкими культурами (Европа-Япония), но при участии третьих сторон-посредников с исторически тесными культурными связями (Китай-Япония). Также следует отметить, что данный подход показал свою состоятельность в востоковедении, например в работе В.О. Бобровникова «Русский Кавказ и французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства?» (2007 год). В том числе, применяется он и в области религиоведения, например, в статье Александра Папаса «Туг: культурный трансфер в исламе Синьцзяна» в сборнике «Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: До, во время и после Шелкового Пути» (2013 год), и в историографии, например, в статье С.Г. Петровой «Послойное создание древней истории Китая: Метод и гипотеза Гу Цзэгана» (2021 год). К сожалению, подобные исследования все еще носят ограниченный характер в сравнении с изучением культурного трансфера в Европе.

Популяризация культурного трансфера в последние годы особенно явно прослеживается в работах немецких и французских ученых. Среди современных исследователей, работающих в парадигме культурного трансфера, следует отметить Этьена Франсуа и Филиппа Депуа с их трудом *Marianne – Germania. Deutsch-französischer Kulturtransfer 1789–1914* (1998 год), Рудольфа Мухса, Виллибанда Штайнмеца и Йоханнеса Паульманна, изучающих английско-немецкий трансфер, например, в работе *Aneignung und Abwehr. Interkultureller Transfer zwischen Deutschland und Großbritannien im 19. Jahrhundert* (1998 год); Сабину Фогель, чьи исследования посвящены трансферу в искусстве Нового времени, например в статье *Kulturtransfer in der frühen Neuzeit. Die Vorworte der Lyoner Drucke des 16. Jahrhunderts* (1999 год); Вольфганга Гипперта, занимающегося трансфером в образовании европейских стран, например в работе *Transkulturelle Ansätze und Perspektiven in der Historischen Bildungsforschung* (2011 год); Ирину Мелинте, исследующую языковой культурный трансфер в статье *Cultural Transfer and the Cross-Cultural Impact of Foreign Languages* (2012 год); Лукаса Верлага, исследующего польско-немецкий трансфер в контексте становления рыцарских орденов – *Regionalität und Transfergeschichte. Ritterordenskommenden der Templer und Johanniter im nordöstlichen Deutschland und in Polen* (2014 год).

Среди отечественных исследователей в парадигме культурного трансфера работают М.В. Черкашина – ее исследования связаны

преимущественно с переводом как аспектом трансфера («Теория культурного трансфера Мишеля Эспаня как проблема перевода» (2019 год)); А.С. Маркова, исследующая трансфер символики в межкультурном пространстве («Транскультурный символ голубого цветка в англоязычном дискурсе. Образ голубого цветка как культурный палимпсест» (2022 год)); И.Н. Лагутина, изучающая русско-немецкий литературный трансфер («Россия и Германия на перекрестке культур: культурный трансфер в системе русско-немецких литературных взаимодействий конца XVIII – первой трети XX века» (2008 год)); О.В. Томберг («Диалогизм и культурный трансфер в древнеанглийской поэтической традиции» (2020 год)); С.Г. Петрова («Послойное создание древней истории Китая: Метод и гипотеза Гу Цзэгана» (2021 год)); М.В. Созинова, А.А. Мельникова, А.В. Успенская, А.А. Дмитриева («Культурный трансфер в социальной сфере: Российская специфика» (2023 год)).

Теоретический аспект культурного трансфера разрабатывается в трудах Д.В. Лобачёвой («Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий» (2010 год)); Е.Е. Дмитриевой «Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность?» (2011 год); И.С. Бадаха («Мишель Эспань и Михаэль Вернер: у истоков теории культурного трансфера» (2016 год)), И.Г. Минеевой («Культурный трансфер: от истории идеи к методологии» (2016 год)), Н.П. Безугловой («Межкультурная коммуникация в междисциплинарном поле» (2017 год)).

Популяризация культурного трансфера в последние годы особенно явно прослеживается в работах немецких и французских ученых-религиоведов. Примеры таких исследований – *Le Book of Common Prayer: études d'un transfert culturel en religion* (2017 год) Реми Бенмонта и Од де Мезерак-Занетти и *Faith, Politics and the Arts: Early Modern Cultural Transfer Between Catholics and Protestants* (2019 год) Кристины Штранк. Отечественными исследователями-религиоведами, обращающимися к концепции культурного трансфера, являются, например, А.Л. Нелепин (««Кодзики» и фольклорические разыскания А.А. Вановского при изучении генезиса мифологических сущностей в архаических мифах творения древней Японии» (2020 год)), А.Н. Мосейко и Е.В. Харитонова («Религиозный трансфер. Взаимодействие западного христианства с традиционными религиозно-этническими воззрениями африканцев (в регионе субсахарской Африки)» (2024 год)).

В буддологии применение данной теории сопряжено преимущественно с изучением текстов и проблемой перевода. Примером могут послужить работы *A Contrastive Survey of Genres of Sanskrit and Tocharian Buddhist Texts* (2018 год) Мелани Мальзан и *Les Tokhariens, passeurs et interprètes du bouddhisme* (2016 год) Жоржа-Жана Пино, посвященные изменению стилистики, жанрового наполнения тохарских

буддийских текстов и особенностей их толкования в процессе взаимодействия с другими культурами Шелкового пути. Из исследований, не связанных с переводом, следует отметить исследования Тхеравады и Южного буддизма Чарльза Хэллсеса - *Roads Taken and Not Taken in the Study of Theravāda Buddhism* (2007 год); Александры Клоянидес - *Intercultural Mimesis, Empire and Spirits* (2021 год), Джулии Линдер - *Entwicklungen des Buddhismus im zwanzigsten Jahrhundert in Indonesien: Strömungen, Verwerfungen und Aushandlungen der «Agama Buddha (di) Indonesia»* (2012 год); и особенно Ричарда М. Джаффе - *Seeking Sakyamuni: South Asia in the Formation of Modern Japanese Buddhism* (2019 год). Работа Джаффе, посвященная культурному трансферу буддийских идей между Японией и странами Юго-Восточной Азии, является одним из редких трансферных исследований, подробно затрагивающих аспект коммуникативной сети.

Диссертанту не удалось найти отечественных исследований, посвященных японской буддологии в контексте культурного трансфера. Тем не менее, в отечественной науке есть примеры таких исследований, посвященных буддийской традиции Алтая. Это работы Д.Ю. Доронина, в частности «Огонь, потоп и война с Востока: культурный трансфер в современных эсхатологических представлениях на Алтае» (2018 год); К. Жакму и Я. Боржон-Приве («Культурный трансфер в республике Алтай: на подступах к анализу современного алтайского героического эпоса» (2021 год)) и А.М. Алексеева-Апраксина, например «Буддийские трансферы республики Алтай» (2022 год).

Применительно истории трансфера идей диссертант опирается на исследования Дугласа Хаулэнда *Translating the West: Language and Political Reason in Nineteenth-Century Japan* (2001 год), Джейсона Джозефсона Ананды Сторма (*The Invention of Religion in Japan* (2012 год)), Майкла Пая (*Modern Japan and the Science of Religions. Method & Theory in the Study of Religion* (2003 год)) и Ханса Мартиана Крамера и Ориона Клаутау (*Learning from the West, Learning from the East: The Emergence of the Study of Buddhism in Japan and Europe before 1900* (2023 год)). Работы Клаутау, Пая и Крамера являются наиболее полными в англоязычной науке трудами по взаимодействию европейских и японских религиоведов, и потому диссертант опирается на них.

Из отечественных исследователей трансферный подход к японскому образованию применяли только О.В. Воробьева и И.И. Вуколова («Реставрация Мэйдзи и историческое образование в Японии» (2020 год)), на труды которых также опирается диссертант.

**Предмет исследования.** Предметом исследования является культурный трансфер западной исторической мысли в становлении японской буддологии в конце XIX - начале XX вв.

**Объект исследования.** Объектом исследования являются источники по японской академической буддологии конца XIX - начала XX веков.

**Область исследования.** Область исследования соответствует пункту 21 «История культуры, науки, образования» паспорта специальности ВАК 5.6.2. «Всеобщая история» и пункту 1 «Теория и методология сравнительного изучения культур» приоритетных направлений научных исследований ФГБУН ИВ РАН.

**Цель работы** – представить детальный анализ академизации японской буддологической дисциплины по европейскому образцу на рубеже XIX-XX веков посредством рецепции европейских научных знаний в японской буддологии.

С учетом вышесказанного, главными **задачами** работы являются:

- 1) Определить, существовала ли в Японии до знакомства с европейской наукой традиция собственных буддологических исследований;
- 2) Установить историческую периодизацию влияния западной науки на японскую буддологию;
- 3) Идентифицировать основные причины, побудившие японцев обратиться к европейским буддологическим исследованиям;
- 4) Характеризовать влияние социально-политических преобразований в Японии на развитие японской буддологии;
- 5) Выявить отличительные черты японских буддологических исследований;
- 6) Отыскать ключевые референтные точки взаимодействия межкультурных медиаторов европейско-японского трансфера научных идей и выстроить на их основе коммуникативную сеть;
- 7) Проследить динамические смысловые изменения в претерпевших адаптацию понятиях методологии японских буддийских исследований;

**Научная новизна.** Новизна исследования обусловлена поставленными выше задачами.

- 1) Данное исследование **впервые** в отечественной науке представляет процесс внедрения идей европейских научных школ в японское религиоведение как процесс не прямого заимствования, а гибридизации с уже существовавшей японской научной традицией.
- 2) **Впервые** предлагается подробная периодизация формирования японской буддологии в качестве академической дисциплины.
- 3) **Впервые** поэтапно исследованы критерии отбора и заимствования понятий европейской исторической мысли японским научным сообществом.
- 4) **Впервые** формирование методологии японских буддийских исследований рассмотрено в контексте взаимоотношений с правительственными институтами.
- 5) **Впервые** установлены уникальные черты японской буддологической школы и их отличие от европейской.

- 6) **Впервые** взаимообмен европейских и японских ученых представлен в виде так называемой *коммуникативной сети* (фр. *Le réseau de communication*) – каналов связи между носителями различных культурных традиций, способствующих передаче идей между ними. Данный подход редко применяется в буддологических исследованиях как таковых, и до сих пор не применялся к японской буддологии.
- 7) **Впервые** изложена эволюция научного инструментария японской буддологии в исторической динамике.

**Положения, выдвигаемые на защиту:**

- 1) К началу культурного трансфера между Европой и Японией, в последней уже существовала своя методология, основанная на сочетании конфуцианско-буддийского научного инструментария;
- 2) Японское гуманитарное знание исторически включало в себя имманентный буддийский компонент, что особенно верно для историографии;
- 3) Заимствование европейской научной мысли представляло собой двунаправленный процесс гибридизации с конфуцианско-буддийской методологией;
- 4) Академизация японской буддологии подразделяется на три хронологических этапа, коррелирующих со стадиями культурного трансфера (Подробнее в **структуре работы**);
- 5) Первые буддологические исследования в Японии были продиктованы соображениями критики и защиты буддизма на политической арене и носили утилитарный характер;
- 6) Политическое давление, оказываемое на буддистов и, как следствие, исследователей буддизма, привело к неравномерному развитию различных направлений буддологии, обозначенный дисбаланс наблюдается и в современных исследованиях;
- 7) Политическое давление также способствовало консолидации японской *сангхи* и выстраиванию горизонтальных связей с международным сообществом, что привело к глобализации японского буддизма;
- 8) В культурном трансфере между Европой и Японией участвовали посредники, а именно, Китай и страны Юго-Восточной Азии;
- 9) Вследствие культурного трансфера восприятие европейских научных парадигм в Японии приобрело уникальные черты, зачастую игнорируемые европейскими исследователями;
- 10) Японская буддология как научная дисциплина развивалась параллельно европейской буддологии.

Искомые положения отражены в задачах и структуре работы.

**Методологическая основа исследования.** Исследование проведено в контексте теории культурного трансфера М. Эспаня и М. Вернера. Согласно данной теории, заимствуемая присваивающей культурой

концепция или явление – *иностранный референция* (фр. *la référence étrangère*), трансформируется сообразно особенностям этой культуры. Предметом культурного трансфера могут выступать любые культурные объекты: информация, дискурсы, институты и тд. Итогом такого преобразования становится качественно иной, обособленный продукт<sup>4</sup>. Иными словами, происходит не безотчетное перенятие, но восприятие и осмысление нового концепта на базе собственного культурного пространства. Этот процесс переноса и трансформации искомого объекта из одного культурного пространства в другое и называется *культурным трансфером* (фр. *le transfert culturel*; нем. *kulturtransfer*).

Выбор трансферного подхода в противовес традиционно применяемого в академической буддологии и сравнительной философии компаративному, обусловлен необходимостью исследовать процесс взаимодействия культур в движении. Компаративный подход статичен, поэтому не позволяет проследить процесс развития японской буддологии непрерывно. Также присущее компаративизму представление о культурных пространствах как замкнутых этноцентричных зонах сужает возможности исследования смешанных форм взаимодействия культур, таких как, например, синкретизм, характерный для японских религий. Наконец, компаративный метод требует тождественности сравниваемых объектов, что при взаимодействии неидентичных культур может привести к попытке создать эту тождественность искусственно. Напротив, трансфер, как его описывает М. Эспань, - процесс непрерывный, динамичный и взаимопроникающий, принимающая и передающая культура взаимно влияют друг на друга, а границы взаимодействия редко можно замкнуть в рамки единичной сферы<sup>5</sup>.

Процесс культурного трансфера можно условно разделить на три этапа, выделенных культурологом Гансом-Юргеном Люзенбринком: *отбор* (нем. *selektion*), *передача* (нем. *vermittlung*), *рецепция* (нем. *rezeption*)<sup>6</sup>.

В ходе отбора принимающая культура обнаруживает необходимость заимствования понятия. Интерес к отбору может быть продиктован технологическим, практическим или идеологическим интересом, а также сочетанием этих факторов.

Передача представляет собой непосредственный процесс заимствования, сопряженный с формированием коммуникативной сети межкультурных посредников – лиц или групп лиц, входящих в оба культурных пространства. Медиаторы делятся на три типа: индивидуальные лица или группы лиц, государственные и частные институты, СМИ. Интеграция импортируемых знаний даже на уровне индивида также может вести к

4 Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер М. Нов, лит. обозрение. 2018. с. 65

5 Там же – с.83

6 Lusebrink, H.J. Interkulturelle Kommunikation: Interaktion, Fremdwahrnehmung, Kulturtransfer. Stuttgart. J B Metzler, 2016. p. 130-139.

искажению смысла. Поэтому передача не всегда происходит намеренно или в том контексте, который подразумевают сами медиаторы – например, из проповедей первых христианских миссионеров японцы изначально восприняли христианство как новую школу буддизма<sup>7</sup>.

Стадия рецепции завершает процесс заимствования появлением качественного нового, и зачастую, отличного по смысловому наполнению понятия. Формы рецепции также можно разделить на 4 вида. Перенос (нем. *Übertragung*)<sup>8</sup> – максимально близкий к оригиналу перевод понятия в иное культурное пространство. В буддологии переносом можно считать, например, перевод сутры. Комментарий (нем. *Kommentarformen*) – представление оригинала с дополненной интерпретацией. Например, труд великого японского реформатора, принца Сё:току (яп. 聖徳太子; *Sё:току-тайси*)(574-622) «Толкование смысла трёх сутр» (三経義疏; *Сангё-гисё*) представляет собой пример рецепции комментарием. Продуктивная рецепция (нем. *Produktive Rezeption*) подразумевает творческое переосмысление и получение принципиально нового продукта по результатам рецепции. Например, учение *сюгэндо*: (яп. 修験道) сочетает в себе элементы традиционного шаманизма, даосизма и буддизма, а потому является формой продуктивной рецепции. Имитация (нем. *Nachahmung*) – изменение содержания при сохранении формы. Так, использование статуй бодхисаттвы Каннон (кит. 觀音; *Гуаньинь*; яп. 観音; *Каннон*) для сокрытия образа Богородицы японскими христианами во времена гонений на них это пример имитации. Наконец, культурная адаптация (нем. *Kulturelle Adaptation*) – частичное изменение дискурса под культурные нормы, гибридизация нового с уже существующим. Например, японская практика отречения императора с уходом в монахи – *инкё* (яп. 隠居) была заимствована из Северной Вэй (кит. 北魏; *Бэйвэй*)(386-535)<sup>9</sup>, но получила качественное развитие в японских реалиях на несколько веков позже, чем в Китае, как средство обхода кровно-родственных политических барьеров.

Диссертант полагает, что в вопросе культурного трансфера научной мысли между европейскими и японскими учеными мы говорим о культурной адаптации, потому как при такой форме заимствования каждая сторона трансфера опознает *референцию* в чужой культуре как свою, не учитывая культурные нюансы. Иными словами, нередко европейский ученый будет судить о японском ученом как о представителе своей научной парадигмы и наоборот. Кроме того, этот тип рецепции подразумевает гибридизацию понятий, и поскольку диссертант в представленном исследовании пытается доказать существование японского нативного

7 Whelan C., 5. Eastern Asian (Japanese). Berlin, Boston. De Gruyter 2024. P.162

8 Lusebrink, H.J. Interkulturelle Kommunikation: Interaktion, Fremdwahrnehmung, Kulturtransfer. Stuttgart. J B Metzler. 2016. p.147-148

9 Eisenberg A. Kingship in Early Medieval China. Leiden Boston, Brill. 2008, P. 23-32

научного базиса до начала обмена знаниями, логично, что именно культурная адаптация рассматривается в качестве модели заимствования.

**Методы.** В ходе исследования автор использовал совокупность специально-исторических и общенаучных методов, выбор которых обусловлен спецификой исследования, его хронологическими рамками, широким спектром используемых источников и поставленными задачами. В написании работы были применены историко-сравнительный, историко-генетический и историко-биографический методы исследования. Историко-сравнительный метод использован для сопоставления истоков и характера развития буддологической дисциплины в Японии и Европе, выявления сходств и различий в процессе академизации религиоведения, а также для определения характера и интенсивности межкультурных связей между рассматриваемыми культурными пространствами. Историко-генетический метод использован для построения детальной картины возникновения религиоведения в Японии, и связи истории буддологии с историей развития религиозных и правительственных институтов, а также ее места в эволюции других гуманитарных дисциплин. Историко-биографический метод использован для установления деталей биографии ключевых межкультурных медиаторов в контексте общественно-политической ситуации.

**Теоретическая основа исследования.** Теоретической основой исследования послужила теория культурного трансфера и связанные с ней концепции незакрытых культурных пространств, культурной референции и межкультурных медиаторов. В первую очередь ей посвящены работы М. Эспаня и М. Вернера «История цивилизаций как культурный трансфер» (1988 год) в переводе Е.Е. Дмитриевой (2018 год), Михаэля Лэкнера *Der cultural turn in den Humanwissenschaften. Area Studies im Auf- oder Abwind der Kulturalismus?* (1999 год), Бернда Кортландера (1995 год) *Begrenzung – Entgrenzung: Kultur- und Wissenschaftstransfer in Europa* и Ганса-Юргена Люзенбринка *Interkulturelle Kommunikation: Interaktion, Fremdwahrnehmung, Kulturtransfer* (2016 год) на немецком как основа используемой методологии.

Для лучшего освещения историко-культурного контекста академизации японской буддологии были задействованы труды Анника Хориути, Ватанабэ Хирочи, Асао Наохиро, Стивена Тёрнбулла, О.В. Язовской и А.Е. Жукова.

По истории японского историописания и историографии следует отметить труды Джона С. Бронли *Japanese Historians and the National Myths, 1600–1945* (1997 год), Майкла Бентли *Modern historiography: An introduction* (1999 год), Джона Р. Бентли *The Birth of Japanese Historiography* (2021 год), Имаи Хирочи *British Influence on Modern Japanese Historiography* (1987 год), Ига Мицуя «Методология исторического повествования: концепция связных действий и текст повествования» (2013 год).

История развития системы образования в Японии представлена с опорой на труды Тэйлор Инсап и Тэйлор М. Мартин (*Writing and Literacy in Chinese, Korean and Japanese* (1995 год)), Ричарда Рубингера (*Private Academies of the Tokugawa Period* (2014 год)), А.Ф. Прасола («Внешкольное обучение в эпоху Токугава» (2001 год)), О.В. Воробьевой и И.И. Вуколовой («Реставрация Мэйдзи и историческое образование в Японии» (2020 год)).

История японского буддизма представлена с опорой на труды Т.П. Григорьевой, («Буддизм в Японии» (1993 год)), Н.Н. Трубниковой («о «старом и новом буддизме эпохи Камакура» в религиозно-исторических исследованиях» (2011 год)), «Этика и религиозное сознание в философии Киёдзавы Манси (1863–1903)» (2021 год)), С.Ю. Лепехова, и Е.С. Лепеховой («Мир буддистских идей и монашество в классической японской литературе» (2013 год)), Норихиса Судзуки («Исследования религиозной мысли Мэйдзи» (1979 год)), Джозефа Китагава («История религий в Японии» (2005 год)), Иноуэ Мицусаса («Основание шести сект Южной столицы» (1985 год)), Курода Тосио «Закон императорский и буддийский» (1983 год)), Джейсона Джозефсона Ананды Сторма (*The Invention of Religion in Japan* (2012 год)), Симадзоно Сусуму (*From Salvation to Spirituality: The Contemporary Transformation of Religions Viewed from East Asia* (2004 год)).

Историю буддологических исследований подробно раскрывают труды Киёта Минору (*Kiyota, Minoru – Modern Japanese Buddology: Its History and Problematics* (1984 год)), Джеки Стоун (*A Vast and Grave Task: Interwar Buddhist Studies as an Expression of Japan's Envisioned Global Role* (1990 год)), Ониси Каору «Истоки современной японской буддологии» (2000 год), Майкла Пая (*Method & Theory in the Study of Religions* (2003 год)), Исомаэ Дзюнити («Переосмысления японского религиоведения. Опыт под названием «религия»» (2014 год)), Ориона Клаутау и Ханса Мартина Крамера (*Buddhism and Modernity: Sources from Nineteenth-Century Japan* (2021 год)), *Learning from the West, Learning from the East: the Emergence of the Study of Buddhism* (2023 год)).

Японские культурные обмены с европейскими и азиатскими странами рассмотрены на примере работ В.Дж. Бута (*Adoption and adaptation of Neo-Confucianism in Japan: The role of Fujiwara Seika and Hayashi Razan* (1992 год)), Гранта Гудмана (*Japan and the Dutch 1600-1853* (2000 год)), Кита Джэксона и Филиппа Дебро (*Innovation in Japan: Emerging Patterns, Enduring Myths* (2009 год)), Тимоти Г. Баррета (*Japanese Monks and Chinese Books: Glimpses of Buddhist Sinology in Early Tokugawa Japan* (2007 год)), Симэн Хуа (*Through their Neighbours' eyes: Interactions and relations between Korea, Japan and China during Ming-Qing transition* (2017 год)), Брайана Барбера (*Japan's Relation with Muslim Asia* (2019 год)), Уэхара Маяко (*The philosophy of Nishi Amane* (2017 год)), Джеффри Котика (*The study of Sanskrit in Medieval East Asia: China and Japan* (2021 год)), Е.Л. Скворцовой

(«Влияние западной культуры и идеологии на духовную жизнь Японии» Вестник культурологии»(2020 год)), Хасимото Ё («Делопроизводство в Германии и правительстве Мэйдзи: Работающие иностранцы, передавшие регистр»(2015 год)), Джона Йоргенсена (*The Radiant Mind: Zhu Xi and the Chan Doctrine of Tathagatagarbha* (2018 год)).

Диссертант, в свою очередь, опирается, в том числе, на самые свежие исследования, такие как, например, *The Construction of History in English Translations of Shin Buddhist Texts: Through the Creation of the Bibliography of Japanese Buddhist Texts* Дакэ Нобуя (2023 год) и *Learning from the West, Learning from the East: The Emergence of the Study of Buddhism in Japan and Europe before 1900* Стефана Кигенсана Личи и Ханса Мартина Крамера (2023 год).

**Эмпирическая основа исследования.** В качестве эмпирической основы исследования использованы следующие категории источников:

1) труды, статьи и лекции европейских ученых, преподававших японским студентам в японских и европейских университетах, таких, как Людвиг Рисс, Макс Мюллер, Рафаэль фон Кёбер, Эжен Бюрнуф;

2) труды европейских историков, философов и религиоведов, чьи труды составили учебный материал вышеобозначенных ученых, таких как Джон Милль, Герберт Спенсер, Фридрих Ницше, Георг Гегель;

3) труды и статьи японских ученых, обучавшихся у европейских ученых, таких как Такакусу Дзюндзиро:, Нандзё: Бунъю, Кумэ Кунитакэ, Сиратори Куракити;

4) труды представителей японского духовенства, задействованных в образовательном процессе, и японских ученых, работавших в парадигме традиционных японских школ *кангаку* и *кокугаку*, таких как Кэйтю:, Онко: Дзиун; Хара Танзан, Ёситани Какудзю;

5) персональные документы, такие как некролог Рафаэля фон Кёбера, мемуары Макса Мюллера;

6) сутры, семейные, общенациональные и монастырские хроники, жития монахов, буддийские трактаты и комментаторская литература, и другие письменные исторические источники, послужившие объектом исследования обозначенных японских историков;

7) государственные указы, такие как Рескрипт об образовании эпохи Мэйдзи;

8) буддийские периодические издания и сотрудничавшие с ними буддологические и теософские журналы исследуемого периода.

**Теоретическая значимость** исследования заключается в том, что оно вносит вклад в изучение истории японской буддологии и историографии, в частности, и гуманитарных наук в Японии в целом. В работе особое внимание уделено тому, как развивался научный аппарат дисциплины, каким образом был выражен японский вклад в глобальные буддийские исследования, и как заимствования повлияли на состояние

современной японской буддологии. Исследование существенно реконтекстуализирует взаимодействие японских и европейских интеллектуалов и устоявшиеся представления о характере влияния европейских ученых на этот процесс.

**Практическая значимость.** Исследование представляет практическую значимость для изучения истории религий, а также глобальной и компаративной историографии Востока. Исследование ставит задачей отход от евроцентризма в исследовании процессов межкультурного взаимодействия и внедрение транснационального подхода в отечественной науке, апробацией которого и послужит данное исследование. Разработанные в результате исследования материалы и переводы могут быть использованы для преподавания таких дисциплин, как история религий, компаративная историография и историография Востока, а также послужить нуждам последующих исследователей.

**Степень достоверности исследования** определяется полнотой рассмотренного материала, а также всесторонним анализом научных работ по теме исследования, включая новейшие труды, такие как работа Ханса Мартина Крамера и Ориона Клаутау *Learning from the West, Learning from the East: The Emergence of the Study of Buddhism in Japan and Europe before 1900* 2023 года. Верификация полученных результатов и аргументированность выводов подтверждаются соответствующим количеством проанализированного материала и апробацией результатов. Выводы, сформулированные в диссертации, подкреплены убедительными фактическими данными, представленными в подборках текстологического материала.

**Апробация работы** прошла на заседаниях Отдела сравнительного культуроведения Института востоковедения РАН. Основные теоретические положения и выводы исследования изложены в 5 публикациях (3 из которых размещены в изданиях, рекомендованных ВАК).

Материалы диссертации были представлены в качестве докладов на научных конференциях: аспирантском круглом столе «История востоковедения: традиции и современность» в ИВ РАН в 2022 году, I Международной научной конференции «Цивилизации Востока: взгляд из XXI века» НИУ ВШЭ в 2022 году, X всероссийской конференции «История востоковедения: традиции и современность» в 2022 году, V всероссийской научной конференции «Осмысляя Восток» в ИВ РАН в 2023 году, конференции «Текст и сдвиги в культуре: древняя и средневековая Индия и центральная Азия» в рамках LXIII международной конференции «Рериховские чтения» в 2023 году.

## II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

**Структура работы** соответствует поставленным задачам и включает три главы, посвященные исследованиям эпохи Эдо, первой половины Мэйдзи, и второй половины Мэйдзи-Тайсё соответственно, а также введение, заключение и библиографический список.

Первая глава посвящена буддийским исследованиям периода Эдо (яп. 江戸時代; *Эдо-дзидай*, также 徳川時代; *Токугава-дзидай*)(1603–1868) как отправной точке развития академического религиоведения, вторая - деятельности медиаторов западных идей в Японии в первую половину эпохи Мэйдзи (яп. 明治時代; *Мэйдзи-дзидай*)(1868-1912), то есть охватывает 1868-1893 годы. Третья глава посвящена институализации академической буддологии и включает в себя вторую половину эпохи Мэйдзи (1894-1912), короткий период Тайсё: (яп. 大正時代; *Тайсё:-дзидай*)(1912-1926) и первые 4 года эпохи Сё:ва (яп. 昭和時代; *Сё:ва-дзидай*)(1926-1989), то есть 1894-1930 годы. Такое хронологическое деление соответствует трем фазам развития японской буддологии, выделенным профессором религиоведения Марбургского университета Майклом Пайем, и включающим в себя эпоху Эдо; первую половину эпохи Мэйдзи, и третью фазу, включающую вторую половину Мэйдзи - современность<sup>10</sup>. В рамках же концепции Эспаня и Вернера представленное деление гармонично соотносится с основными этапами культурного трансфера: отбором (нем. *selektion*), передачей (нем. *vermittlung*), рецепцией (нем. *rezeption*) идей, чем и обусловлен такой выбор.

Пай, однако, не выделяет конкретные даты в качестве четких разграничителей этих фаз, поэтому диссертант определяет конец второго периода 1894 годом – годом выпуска первого академического журнала по буддийским исследованиям, а также годом начала Первой японо-китайской войны. Также, поскольку данная работа посвящена процессу первоначальной академизации японской буддологии, а не всей истории ее развития, третью фазу диссертант считает корректным завершить 1930 годом, потому как в этот год образовалась первая общенациональная организация религиоведов – *Японская религиоведческая ассоциация* (яп. 日本宗教学会; *Нихон Сю:кё: гаккай*). К тому же, к 1930 году в японских университетах как раз насчитывалось в общей сложности 18 религиоведческих кафедр<sup>11</sup>, что можно считать подтверждением завершения процесса.

Таким образом, предполагается, что в эпоху Эдо сформировались предпосылки для адаптации европейской научной мысли, в первую половину эпохи Мэйдзи начался непосредственный процесс ее восприятия,

<sup>10</sup> Method & Theory in the Study of Religion. 2003. № 15(1). P. 13-14

<sup>11</sup> Gotou Kouichirou, Tamaru Noriyoshi. A Fifty-year History of the Association of Japanese. Tokyo. Japanese Association for Religious Studies. 2021. P 3.

а во второй половине эпохи Мэйдзи – Тайсё: произошло оформление японской буддологии как независимой академической дисциплины.

В первой главе **«Критический подход к буддизму в Японии в период Токугава»** рассматриваются предпосылки заимствования западного подхода к религии, а также формирования независимого критического анализа буддийских текстов с целью сравнения состояния буддологических исследований до внедрения европейской академической науки и после. Особое внимание уделено трудам индологического и синологического характера эпохи Токугава. Диссертант сопоставляет этот период со стадией *отбора* культурного трансфера, для которой характерно осознание необходимости заимствования понятия и формирование фундамента для его восприятия в рамках собственного культурного пространства заимствующей культуры.

В параграфе **1.1. Причины зарождения японской буддологии в период Токугава** подробно описываются политические и экономические причины кризиса институализированного буддизма, уступившего свое влияние конфуцианству и подвергнувшегося многочисленным ограничениям со стороны правительства. Тем не менее, именно в этот период появились первые примеры подробных критических трудов, посвященных истории и догматике буддизма, заложившие основы японской буддологии. Диссертант выделяет пять причин данного явления. Первая причина — реформы сёгуната, благодаря которым была приведена к единообразию храмовая иерархия, отобраны основополагающие сочинения для каждой из буддийских школ, составлены и упорядочены комментарии различных школ. Вторая причина — общедоступность классических буддийских текстов, порожденная этой реформой. Третьей причиной послужило то, что многие конфуцианские мыслители сами были выходцами из *сангхи*, разочарованными в буддизме. Определенное буддийское влияние в свое время претерпела и философия китайского философа XII века Чжу Си (кит. 朱熹)(1130-1200), послужившая основой для японского конфуцианства. Так как сторонники буддизма и конфуцианства вышли из одних кругов, они постепенно стали использовать одинаковый понятийный аппарат, и в своей полемике постепенно сформировали фундамент современных буддологических исследований в Японии. Параллельно конфуцианское влияние распространилось на буддизм массового толка. Четвертая причина кроется в традиционной связи буддизма и критического историописания в Японии — полемизируя с историками, конфуцианцы зачастую полемизировали с буддизмом. Диссертант особенно акцентирует внимание на том факте, что первые критические исторические сочинения («Записки дурака» (яп. 愚管抄; Гукансё:), 1220-го года авторства монаха Дзиэн (яп. 慈円)(1155-1225) и «Генеалогия божественных императоров» (яп. 神皇正統記; Дзинно: сё:то:ки) 1330-го года, авторства Китабатакэ Тикафуса

(яп. 北畠親房)(1293-1354)) в Японии написаны с позиции буддизма, и одной из причин возникновения в данный период таких выдающихся историографических трудов, как «Записи о хронологии страны» (яп. 本朝編年錄; *Хонтё: хэннэнроку*) авторства конфуцианца Хаяси Радзан (яп. 林羅山)(1583-1657) является упомянутая полемика двух учений. Наконец, пятой причиной является развитие ксилографической печати, способствовавшее распространению буддийской литературы в массах и также исторически тесно связанной с буддизмом.

Резюмируя характер отношений двух учений в описываемый период, диссертант делает вывод, что вопреки взаимной критике представителей конфуцианства и буддизма на политическом уровне, внутри течений происходило их постепенное сближение. И если в XII веке конфуцианство служило дополняющим учением к буддизму, то к XVII веку буддизм стал дополняющим учением к конфуцианству.

В параграфе **1.2. Школа рангаку и европейское влияние на буддизм в эпоху Токугава** диссертант рассматривает отличия во взглядах японской и европейской общественности на феномен японской изоляции. С 1639 года Япония закрыла свои границы, введя жесткие ограничения на пребывание иностранцев и торговлю с ними в рамках эры Сакоку (яп. 鎖国; *закрытая страна*)(1641-1853). Этот период характеризовался страхом японского правительства перед европейским колониальным влиянием и распространением католицизма, однако диссертант акцентирует внимание на том, что японцы считали себя не изолированными, а напротив, окруженными иностранцами. Так, историки преимущественно использовали для описания изоляции термин *кайкин* (яп. 海禁; *морской запрет*), подчеркивающий ограничения морской торговли, а не полный разрыв дипломатических отношений в противовес более позднему термину *сакоку*, а также существование аналогичных ограничений в Китае и Корее. В результате вышеприведенных факторов Япония имела несколько важных каналов культурного взаимодействия с продуктами европейской научной мысли, включая китайский, корейский и южно-азиатский, помимо голландского, также отмечается роль контрабандной литературы. Диссертант полагает возникновение исследовательского направления *рангаку* (яп. 蘭学; *голландская наука*), обусловленного этими контактами, признаком начала стадии *отбора* культурного трансфера, и хотя интерес представителей этого направления был обращен к точным, а не гуманитарным наукам, наблюдаются отдельные примеры синтеза европейских знаний с буддийским понятийным аппаратом. Таковы «Ботаническая сутра» (яп. 菩多尼訶經; *Ботаникакё:*) Удагава Ё:ан (яп. 宇田川榕菴)(1798-1846) и «Сутра западных теорий метеорологических наблюдений» (яп. 西説觀象經; *Сэйсэцу кансё:кё:*) Ёсио Сюдзо: (яп. 吉雄尚

貞 )(1787-1843), представлявшие пересказ европейских сочинений по ботанике и астрономии соответственно в форме сутр.

Более того, большинство исследователей *рангаку* не рассматривали Запад как более развитый, а исследовали его достижения через призму конфуцианства, стремясь создать собственную научную парадигму. Зарубежные исследования в форме *рангаку* заняли свою органичную нишу в научной мысли эпохи Токугава, а не приняли форму нового революционного знания. Тем не менее, они послужили базисом для интеграции западного научного знания в японскую науку и дали толчок к развитию конфуцианской научной теории, которая в синтезе с европейской методологией породила уже после Реставрации Мэйдзи полноценную буддологическую дисциплину.

В параграфе **1.3. Роль конфуцианской и нативистской школ в развитии буддийской текстологии** падение китайской династии Мин и миграция ученых-беженцев в Японию рассматриваются как фактор совершенствования конфуцианского научного аппарата с одной стороны, и формирования автономных философских течений на фоне восприятия маньчжурского Китая как «варварского», с другой. В японской интеллектуальной среде возникли два направления: школа *кангаку* (яп. 漢学; *китайская наука*), ориентированная на китайскую науку, и школа *кокугаку* (яп. 国学; *национальная наука*), искавшая истоки японской философии в синтоизме и классических японских текстах. Обе школы активно полемизировали с буддизмом, в том числе, с помощью почерпнутых из европейских сочинений знаний, а также обладали собственными текстологическими методами - (кит. 考證; *каочжэн*, яп. *ко:сё:гаку*) и *канадзукай* (яп. 仮字用格), которые закрепились в японской научной мысли и оставались в употреблении после Реставрации Мэйдзи. В период Токугава обоюдное желание буддийских и конфуцианских мыслителей реставрировать «золотую эпоху» своих учений побуждало их вновь обращаться к классическим текстам. Фактор содействия минских мигрантов и представление ими нового исследовательского метода *каочжэн* способствовали качественному развитию текстового анализа и формированию двух полноценных направлений историографической критики на базе синтеза чжусианской и буддийской философии. Конкуренция между этими направлениями, *кангаку* и *кокугаку*, способствовала появлению множества текстологических исследований, в частности работ, посвященных Китаю и Индии, и как следствие буддизму в этих странах. Направление же внутренних исследований религиозных верований обособилось в рамках *кокугаку*. Обе школы располагали еще не до конца сформированным, но самобытным научным аппаратом, поэтому истоки японского религиоведения восходят именно к этой эпохе.

В параграфе 1.4. **Выводы первой главы** суммируются изложенные выше выводы. В эпоху Токугава в Японии сформировались предпосылки для модернизации научной мысли, благодаря развитию новых философских школ: *кангаку* и *кокугаку*. Эти школы, активно взаимодействуя с буддийским наследием и китайской философией, специализировались на различных областях: историографии, синологии, текстовом анализе. Несмотря на ограниченное влияние европейской науки, происходили отбор и адаптация новых знаний, особенно в индологических исследованиях, где европейские материалы выборочно использовались для, например, совершенствования карт и атласов Индии. Китай играл роль важного посредника в этом процессе. Поражение Китая в Опиумной войне и насильственное открытие Японии в середине XIX века вызвали осознание уязвимости и ускорили усвоение западных знаний. Эпоха Мэйдзи ознаменовалась отказом от голландского и китайского языков как основного канала европейского влияния и переходом к английскому и немецкому языкам, *рангаку* уступила место *западной науке* (яп. 洋学; *ёгаку*). Конфуцианские методы, имеющие точки соприкосновения с западным позитивизмом, повлияли на восприятие западной исторической мысли, но к концу периода Токугава японские конфуцианские методы уже отличались от китайских.

**Глава 2. «Буддологи первого поколения и коммуникативная сеть в процессе рецепции западной научной мысли»** посвящена первой половине эпохи Мэйдзи и соответствующей ей стадии *передачи*, самого активного этапа трансфера, характеризующегося тесными контактами между культурными *медиаторами* – лицами и институтами, осуществляющими трансфер понятия между культурными пространствами. Важной чертой этой стадии является оторванность заимствуемого понятия от его изначального контекста употребления и фрагментарность заимствования, характерная для большинства случаев культурного трансфера, обуславливающая его вольную интерпретацию принимающей культурой. В этой главе диссертант формирует *коммуникативную сеть*, фиксирующую взаимодействия между основными участниками трансфера, и разбирает отдельно каждую категорию *медиаторов*.

В параграфе 2.1. **Социально-политический контекст изучения буддизма в первую половину эпохи Мэйдзи (1868-1894)** диссертант кратко характеризует изменения в положении *сангхи* с наступлением эпохи Мэйдзи. В частности, избрание новой государственной идеологией синтоизма, до изысканий *кокугаку* практически не рассматривавшегося вне синкретизма с буддизмом и не систематизированного как отдельная система верований, привел к ужесточению гонений на буддизм. Политика разделения синто и буддизма (яп. 神仏分離; *синбуцу бунри*) привела к гонениям на буддийские храмы и изъятию храмового имущества. В образовании была принята концепция сочетания японского духа и

европейских наук, а европейская критика религии усилила позиции противников буддизма. Буддизму пришлось доказывать свою актуальность, конкурируя с синтоизмом, конфуцианством и христианством. Исследователи буддизма стремились защитить учение и доказать его социальную значимость, заимствуя европейский научный аппарат и демонстрируя его сочетаемость с буддийским мировоззрением.

Японских медиаторов эпохи Мэйдзи, заинтересованных в продвижении и изучении буддизма, можно разделить на три категории: 1) представители духовенства, пытавшиеся трансформировать учение сообразно новым реалиям и обращавшиеся к европейскому научному опыту для поддержки буддизма в борьбе идеологий; 2) первые японские академики и связанные с ними институции, исследовавшие буддизм в нейтральном ключе; 3) общественные организации и печатные издания буддийской тематики, активно распространявшиеся в обозначенный период, благодаря самоорганизации *сангхи* и вопреки правительственному давлению. Их европейскими эквивалентами являются соответственно: 1) иностранные ученые, базировавшиеся в европейских университетах; 2) так называемые работающие по найму иностранцы (яп. お雇い外国人; *о-ятой гайкокудзин*) - иностранные специалисты, работавшие непосредственно в Японии; 3) буддийские организации и издания других стран, а также симпатизирующие им сообщества, например, европейские теософы. Далее исследован вклад каждой категории *медиаторов* и воспроизведена сеть их взаимодействий друг с другом.

В параграфе 2.2. **Межкультурные медиаторы японской буддологии в академической среде** исследованы взаимодействия между японскими и европейскими учеными. Важным фактором этого взаимодействия является буддийское прошлое первого поколения японских ученых – не смотря на рестрикции в отношении *сангхи*, японское правительство использовало буддизм как противовес популяризированному вновь христианству. Буддийские деятели, такие как Мокурай Симадзи (яп. 嶋地黙雷)(1838-1911) и Умэгами Такую: (яп. 梅上沢融)(1835-1907), участвовали в миссии Ивакура (яп. 倉使節団; *Ивакура сисэцудан*), изучая западное религиоведение и отношение к религии. Храм *Ниси Хонгандзи* (яп. 西本願寺) стал плацдармом для стажировок в Европе, чтобы оградить студентов от христианства. В рамках миссии сформировалась первая буддологическая сеть, ориентированная на индийский буддизм, который считался нейтральным полем исследований, так как не подвергал критике доктрины японских школ буддизма и был приоритетным интересом европейских буддологов, заинтересованных в изначальном учении Шакьямуни. Ее заложили Нандзё: Бунъю (яп. 南条文雄)(1849-1927), Касахара Кэндзю (яп. 笠原研寿)(1852-1883), Такакусу Дзюндзиро: (яп. 高楠順次郎)(1866–1945) и их учитель, отец западного сравнительного религиоведения, Макс Мюллер

(1823–1900). Японские ученики не только обучались у Мюллера в Оксфорде как раз на момент написания и публикации его фундаментального труда «Введение в науку о религии», но и были напрямую включены в его работу как эксперты по японскому буддизму. Заимствуя теорию, они, в свою очередь, помогали расширить источниковую базу европейских буддологов китайскими и японскими переводами текстов на санскрите и пали, что помогло японским буддологам стремительно выйти в авангард мировых индологических исследований. Параллельно в Японии переводились труды европейских философов, что требовало новой специфической терминологии, которая, в свою очередь, нередко заимствовала буддийский лексикон, как показывает пример Ниси Аманэ (яп. 西周)(1829-1897), познакомившего японцев с первым позитивизмом. Так, в Европе позитивисты ассоциировали религиозное мышление с низшей стадией развития общества, но для японского позитивизма религиозный компонент, напротив, стал одним из основополагающих характеристик, что не воспринималось как противоречие изначальной парадигме школы, и является наглядным примером изменения смыслового наполнения понятия в ходе трансфера. С другой стороны, термины религиоведение (яп. 宗教学; *сю:кё:гаку*) и религия (яп. *сю:кё:;* 宗教) были намеренно заимствованы Исикава Сюнтай (яп. 石川舜台)(1842-1931) и Симадзи Мокурай у Эмиля Бюрнуфа (1821-1907) с целью доказать необходимость нейтрального подхода к оценке религий, а также вывести буддизм в категорию этических учений в противовес религиозным, включавшим христианство. Последнее также обусловило использование упомянутого термина для обозначения институализированных религий и в современности.

В параграфе **2.3. Европейские историки как межкультурные медиаторы в японской буддологии** рассмотрена роль наемных иностранных специалистов в трансфере европейского научного инструментария на примере Георга Г. Зерффи (1820-1892), Рафаэля фон Кёбера (1848-1923) и Людвига Рисса (1861-1928) и их учеников, автор постулирует, что приписываемое западным ученым влияние было гиперболизировано западными же исследователями, а восприятие японцами популяризированных наемными иностранцами немецкой исторической школы и первого позитивизма происходило через призму буддийско-конфуцианского восприятия и не отрицало значимость религии. Вновь подчеркнута тесная связь японского религиоведения с историографией на основании прохождения представителями практически всех будущих гуманитарных кафедр Токийского и Киотского университетов курсов и практических семинаров по историографии и последующем применении изученного в буддологии. Диссертант подытоживает, что текстовая традиция, характерная и для историографического позитивизма, и для философии немецкого идеализма, органично наслои́лась на традиции

конфуцианского текстового анализа, а японское научное сообщество адаптировало западную терминологию под свои нужды, исходя из аналогий, подчерпнутых в конфуцианской и буддийской философии, и стала важным компонентом и религиоведения.

В параграфе **2.4. Буддийское духовенство как межкультурные медиаторы в японской буддологии** анализируется роль в академизации буддийских исследований буддийских священников, участвовавших в образовательном процессе. Постулируется, что пока академические медиаторы заимствовали методологическую основу исследований и формировали для японской рецепции концепт религии как таковой, медиаторы от духовенства сосредоточились на определении буддизма как предмета изучения. Также показан поэтапно процесс переосмысления и адаптации под буддийский дискурс западной философии на примере Сада Кайсэки (яп. 佐田介石)(1818-1882), Хара Тандзан (яп. 原坦山)(1819-1892), Тикадзumi Дзё:кан (яп. 近角常観)(1870-1941) и других.

В параграфе **2.5. Буддийские журналы и организации как межкультурный медиатор в японской буддологии** исследована роль буддийской периодики, представлявшей собой особую, разветвленную сеть локальных и международных изданий буддийского толка, многие журналы курировали уже упомянутые в работе *медиаторы*, такие как Симадзи и Такакусу. Выделены три задачи журналов в качестве *медиаторов*. Во-первых, они объединяли на единой площадке представителей различных буддийских школ внутри страны. Во-вторых, они служили средством контакта с буддистами и буддологами из-за рубежа, в том числе, перепечатывая научные статьи за отсутствием академических журналов для религиоведов. Наконец, журналы участвовали в финансировании экспедиций и миссионерской деятельности, последнее помогло глобализировать японский буддизм. Трансфер был взаимным, и европейская общественность переосмысляла японский буддизм в не меньшей степени, чем японские буддисты западную научно-философскую мысль. Наконец, следует отметить участие в этом трансфере третьей стороны в лице китайских и южно-азиатских буддистов, наиболее заметным является вклад сингальского деятеля Анагарики Дхармапалы (1864–1933).

В параграфе **2.6. Выводы второй главы** определены особенности и отличия представленных ранее групп медиаторов, акцентировано влияние на консолидации буддийских школ в попытке продвигать межсектарный буддизм, подчеркнута неравномерность трансфера для разных групп медиаторов – для изначально не принимавшего западные науки духовенства *отбор* и *передача* проходили интенсивнее и в более сжатые сроки, нежели для официальной университетской среды, выстроенной на фундаменте *кангаку* и *кокугаку*. Неравномерно развивались и направления буддологии, по политическим причинам индийский буддизм получил приоритет. Разные группы медиаторов способствовали формированию разных элементов

буддологического дискурса. Студенты европейских вузов и их преподаватели преимущественно осуществляли трансфер методов и терминологии. Наемные иностранные преподаватели также несли ответственность за передачу методов, но в целом, их функция сводилась к систематизации знаний по истории философии. Преподаватели из духовенства формировали предмет исследования, а буддийские медиа – инфраструктуру внутреннего и международного взаимодействия ученых и *сангхи*. Отмечается роль в трансфере «третьей» стороны в лице южно-азиатских и китайских буддистов. Это естественная ситуация для любого межкультурного трансфера, поскольку ни одно культурное пространство по природе своей не является закрытым. Вовлеченность медиаторов и в данном случае была неравномерной, так, участие китайской стороны на данном этапе трансфера было минимальным и носило скорее принимающий характер, вклад южных буддистов был более существенным. Диссертант утверждает, что рецепция носила гибридный характер: *кангаку* и *кокугаку* органично соединились с идеями европейских школ, а не были заменены ими. Фрагментарное восприятие японцами Бюрнуфа и Зерффи, Кёбера и Рисса эффективно демонстрируют вторую стадию трансфера по Люзенбринку - заимствование без учета контекста - несогласие с отдельными положениями европейских школ не останавливало исследователей от самоидентификации с ними. Это можно проследить на примере особенностей японского позитивизма, подчеркивавшего духовное развитие как один из необходимых элементов эволюции общества, и по природе своей в большей степени историографического, чем философского, причиной чему буддийский компонент *кангаку* и *кокугаку*. Трансфер также осуществлялся в обе стороны, японцы, заимствуя методы, взамен делились источниками с европейцами. Претерпевал глобализацию и сам японский буддизм. Подчеркивается, что европейское религиоведение в описываемый период находилось на начальном этапе своего развития, поэтому в японской научной среде аналогичная дисциплина развивалась практически одновременно. Соответственно, следует рассматривать постепенную академизацию буддологических исследований в Японии не как следствие одностороннего заимствования, но как естественную реакцию на глобализацию науки как таковой. Наконец, у *кангаку*, *кокугаку*, позитивизма, немецкой философской традиции, французской и английской религиоведческих школ наблюдается одна общая черта - примат текстовой традиции. Поэтому акцент на текстологии, как и следовало ожидать, стал одной из наиболее ярко выраженных черт японских буддологических исследований, что верно и по сей день.

**Глава 3. «Завершение академизации японской буддологии и начало независимой научной традиции»** посвящена стадии *рецепции* культурного трансфера, то есть переосмыслению и преобразованию

заимствованного концепта, в данном случае, европейского научного инструментария на базе собственной культуры.

В параграфе **3.1. Социально-политический контекст изучения буддизма во вторую половину эпохи Мэйдзи (1894-1912) и эпоху Тайсё (1912-1926)** представлены социально-политические причины выделения независимых буддологических научных школ в Японии, а именно постепенное отдаление ученых от *сангхи* на фоне роста правительственного контроля в образовании, а также секуляризации буддизма и утраты учением сотериологического компонента в пользу новых религий. Это привело к появлению ученых, изучавших буддизм в нейтральном контексте, не опасаясь потенциального отлучения. Подъем националистических настроений также породил стремление к полемике уже с европейскими коллегами и переориентацию на работу в рамках парадигм, продвигаемых коллегами-японцами, а не иностранцами. Создание новых университетов и открытие в них буддологических кафедр, появление первых академических буддологических журналов в стране способствовало завершению институционализации буддологии как академической дисциплины. Так сформировались Токийская и Киотская научные школы. Хотя первая считалась официально историко-филологической, а Киотская - философской, в рамках обеих институций сложились уникальные буддологические традиции.

В параграфе **3.2 Токийская религиоведческая школа как автономная научная традиция** характеризованы особенности Токийской буддологической школы. В ней выделены три направления – по кафедрам. Кафедра китайской и японской литературы (будущая кафедра индийской философии) состояла из ученых, ранее принадлежавших к буддийскому духовенству, не обучавшихся в Европе, и специализировалась на изучении доктрин буддийских школ. Глава кафедры Мураками Сэнсё: (яп. 村上專精)(1851-1929) ввел категорию "обыкновенного буддизма" (凡凡佛教; *бонбон буккё:*), выделив общие для всех буддийских школ характеристики, основал первый академический буддологический журнал "Роша буддийской истории" и развивал идею "буддийского опыта" для понимания контекста эпохи исследования. Кафедра санскритологии под руководством Такакусу Дзюндзиро: специализировалась на переводах и исследовании текстов на санскрите и пали и заслужила международное признание за счет масштабного издания текстов Трипитаки. Кафедра религиоведения: под руководством Анэсаки Масахару (яп. 姉崎正治)(1873-1949) специализировалась на сравнительном религиоведении. Анэсаки, в частности, ввел понятия «корневого буддизма», «паталогии» религии, концепцию народных верований и создал свою теорию происхождения религий. В рамках кафедры изучались локальные японские верования, а также появились первые сравнительные работы по религиозной этике в христианстве и буддизме и социологии религии. Отличительными чертами

Токийской школы можно назвать приоритет текстовой традиции; дуалистическое деление религий на организованные и спонтанные; включение психологии религий в состав религиоведения; подход к общественным и индивидуальным процессам как естественной эволюции, примером чего является идея патологии религии.

В параграфе **3.3 Киотская религиоведческая школа как автономная научная традиция** характеризованы особенности Киотской буддологической школы. Если в Токийском университете акцент делался на прикладном религиоведении, то в Киотском – на философии, т.к. Нисида Китаро: (яп. 西田幾多郎)(1878-1928), основатель Киотской школы, стремился создать рациональную основу для буддийской философии, дистанцируясь от религиоведения в традиционном смысле. Особенности школы исследованы на примере трудов религиоведов Вацудзи Тэцуро: (яп. 和辻哲郎)(1889-1960) и Мацумото Бундзабуро: (яп. 松本文三郎)(1869-1944). Вацудзи заложил основы современной японской герменевтики буддийского канона, закрепил теорию корневого буддизма Анэсаки, выделил основные характеристики буддийской этики (отрицание индивидуальности, неразделение субъекта и объекта, концепция пустоты, Дхарма как взаимообусловленность) и вдохновил других исследователей на изучение теории причинности (пратья-самутпада). Мацумото же внес вклад в развитие сравнительного анализа буддийских текстов и традиций (в частности, исследовал взаимосвязь Чистой земли Будды Амиды и небес Тушита Матрейи, выдвинул теорию о влиянии буддийских сутр на христианство и о южноиндийском происхождении некоторых сутр), первым перешел от изучения истории происхождения буддийских сутр к исследованию их содержания, а также исследовал буддийское искусство и межкультурные взаимодействия в его эволюции. Несмотря на философский уклон, Киотский университет был силен в китаистике и буддологии, в отличие от Токийского, где преобладала индология. Ключевыми аспектами школы выделены приоритет филологического анализа, идея неразделенности объекта и субъекта, концепция этического совершенствования - *кё:ё* (яп. 教養): и логическая взаимообусловленность как основа буддийской логики и религии.

В параграфе **3.4 Выводы третьей главы** постулируется завершение академизации японской буддологии и окончательный переход от буддийской апологетики к строго научным исследованиям. В качестве основных признаков процесса выделены массовое распространение буддологических кафедр, активное международное сотрудничество (на примере экспедиций в Тибет и путешествий европейских ученых в Японию за источниками), выраженная специализация как на уровне университетских кафедр, так и на уровне самих университетов. Рубежом процесса названо основание первой национальной религиоведческой ассоциации в 1930 году, что произошло в Японии раньше, чем в Европе и

США. Японская буддология стала автономной научной дисциплиной, в которой происходил трансфер понятий уже от японских учителей к преемникам. Появилась концептуальная критика европейской и китайской философии, а также собственные теории. Подчеркивается, что межкультурный трансфер с Западом продолжался и после 1930 года, например, на примере интеграции в Киотскую школу идей марксистов и Макса Вебера, но его корректно рассматривать как отдельный трансфер в рамках уже оформившейся дисциплины.

В **заключении** представлен обзор итогов исследования, сформулированы выводы, которые позволяют проследить процесс академизации буддологической дисциплины в Японии в контексте культурного трансфера. Опираясь на обширный источниковый и библиографический материал автор резюмирует защищаемые в работе положения и констатирует выполнение поставленных во введении задач, а также подчеркивает необходимость дальнейших исследований истоков японской буддологии в контексте решения актуальных проблем современного японского религиоведения.

### III. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

*В российских рецензируемых научных изданиях из перечня ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:*

1) Новосёлова Е.О. Буддийские журналы периода Мэйдзи (1868-1912) как медиатор глобализации японского буддизма// Вестник БНЦ СО РАН, 2024, 2(54) — С.123-128.

2) Новосёлова Е. О. Исследования древнеиндийских текстов как ключевое направление в ранней японской буддологии// Восток. Афро-азиатские общества: история и современность, 2025. № 1. С. 236-245.

3) Новосёлова Е.О. Японские буддийские журналы как средство поддержки миссионерской деятельности в конце XIX-начале XX века// «Японские исследования». 2025, №2. С.21-37.

*Другие научные публикации:*

1) Новосёлова Е. О. Особенности японского нативного научного базиса, или проблема «научного знания» вне западной традиции// Историческая психология и социология истории. 2022. Т.16. №1. —С. 138-147.

2) Новоселова Е. О. Проблема понятия "народный буддизм" в религиоведении Японии / Е. О. Новоселова // Вестник Института востоковедения РАН. – 2022. – № 4(22). – С. 110-119.